

Организация психологической работы

Дерябина О.М.

Место психолога в государственной и общественной экспертизе

Данная статья является ответом на нужды общества – а именно на необходимость дать студентам и коллегам-психологам информацию и знания об одном из самых «малорекламируемых» (т.е. практически в печати не освещаемых) разделе психологии – организационной психологии на макроуровне (или как называют его Ашмарин и Юдин, 1997 – на «фундаментальном» уровне).

Автор чувствует свою ответственность за написание такой статьи не только потому, что уже пятый год читает студентам факультета психологии МГОПУ курсы на эту тему, но прежде всего потому, что был задействован в самых первых экспертных работах такого рода – т.е. с конца восьмидесятых годов, когда еще ни автор, ни его коллеги не знали (как известный герой Мольера не знал, что говорит прозой), что они занимаются организационной психологией, считая себя психологами социальными.

Статья дает возможность психологам (особенно зрелым психологам и психологам-оргконсультантам), увидеть значительность уже пройденного пути и создать своё рабочее место в области «фундаментальной гуманитарной экспертизы» (Ашмарин, Юдин, 1997).

Ключевые слова: *социогуманитарная, гуманитарная, научная, социально-психологическая экспертиза; общественная и государственная экспертиза, комплексная экспертиза.*

Понятие гуманитарной экспертизы вошло в жизнь психологов в самом конце восьмидесятых годов.

1. Экспертиза: гуманитарная, научная, социальная, социогуманитарная

Как показывает анализ литературы, примерно в это же время работы в области экспертизы начались и в других отраслях науки, в том числе и смежных с психологией (см. библиографию: Реймерс, 1990; Дридзе, Тюков и др. /Социогуманитарная экспертиза, Круглый стол, 1992/; Генисаретский, Юдин и др., 1996-1997; Луков, 1996).

Одним из первых авторов, кто начал анализировать определение, цели и принципы экспертизы, назвав её научной, был Николай Федорович Реймерс. В качестве одного из первых базовых требований выдвигается такое: «объект должен служить целям развития местной экономики и населения (в том числе сохранения его

здоровья и увеличения продолжительности жизни) и лишь затем государственным интересам²³» (27, с. 1). Такой принцип (вкуче с другими, изложенными в той же работе – например, принципом «социальной цены», с. 11, или принципами «риска заболеваний человека», с. 13; «социального риска», с.14 и др.) позволяет считать, что Реймерс, называя экспертизу «научной», говорит о той же гуманитарной (или социогуманитарной) экспертизе, как и все другие упоминаемые здесь авторы. Можно также считать, что под научной этот исследователь подразумевает прежде всего независимую²⁴ от заинтересованных структур и ведомств.

Рассмотрим, что понимают под гуманитарной экспертизой разные авторы.

По А.У. Харашу гуманитарная экспертиза – это деятельность по обобщенной оценке «последствий, которые имеет или может иметь для человека (для населения региона или той иной социальной группы) то или иное событие, случившееся в прошлом (далеком или недавнем), происходящее в настоящее время либо потенциально возможное в обозримом будущем» (31, с. 101).

По Ашмарину и Юдину (1997), гуманитарная экспертиза – это «систематически организованная деятельность, направленная на прогнозирование вновь возникающих угроз для человеческого потенциала» (см. 2). Она проводится для комплексного анализа законопроектов и проектов постановлений и решений органов исполнительной власти, для оценки технических новшеств, для оценки состояния (а также динамики изменения человеческого потенциала страны в целом, для оценки существующих или проектируемых технологий, в т.ч. социальных (например, содержание гуманитарного образования в средней школе). Авторы подчеркивают, что было бы неверно трактовать экспертизу всякой новой технологии (технологии – в широком смысле) как одноразовое мероприятие; необходимо систематически отслеживать все новые и новые явления и эффекты, ею порождаемые, и оценивать вновь обнаруживающиеся возможности, так же как и факторы вызываемого ею риска. Результат гуманитарной экспертизы не должен ограничиваться итоговым заключением; не менее важен и еще один результат – установление каналов, по которым и в дальнейшем может осуществляться взаимодействие, и формирование самих участников этого взаимодействия²⁵, осознающих и умеющих использовать его конструктивные возможности. В целом же, по мнению авторов,

²³ Выделено нами. – О.Д.

²⁴ Это слово он не употребляет: либо оно еще не вошло в моду, либо уже себя скомпрометировало (к 1990 году). Первое кажется более вероятным.

²⁵ Т.е. формирование гражданских позиций у личностей, втянутых в процесс.

гуманитарная экспертиза могла бы стать эффективным инструментом стратегической и тактической корректировки всей социальной (и культурной) политики государства через оценку государственных решений, федеральных и региональных программ²⁶, проектов, инициатив.

Норвежский философ Скирбек, по мнению этих авторов, являющийся «отцом» термина «гуманитарная экспертиза» и основным разработчиком данного понятия, рассматривает её «как переход от технологической экспертизы к мульти- и междисциплинарной экспертизе и далее – к широкой публичной дискуссии (цит. по 2, см. также 30 и 38). Другими словами, «гуманитарная экспертиза по Скирбеку – это не только и не столько процесс выработки конкретных решений, сколько непрерывный и широкий диалог, в ходе которого наряду с обоснованием и критикой тех или иных предлагаемых решений происходит также процесс выявления, обсуждения и согласования посылок и ценностных позиций (нередко скрытых, неосознаваемых) различных социальных групп» (там же). Следует отметить, что А.У.Хараш также рассматривает гуманитарную экспертизу как диалог – начинающийся экспертным исследованием и отнюдь не заканчивающийся экспертным заключением (см. 31, с. 121-122). Он вводит также понятие готовности региона к гуманитарной экспертизе (31, с. 120), которое предполагает ответную активность населения, ведомств, администрации и общественности.

Примерно в то же время произошел диалог российских и французских обществоведов по проблеме социогуманитарной экспертизы. Это был Круглый Стол, проходивший в рамках российско-французской конференции «Психоанализ и науки о человеке» 30 марта-3 апреля 1992 г. (29, с. 73-81). Участники Круглого Стола высказывали очень разные мнения как по истории социогуманитарной экспертизы, так и по дефинициям экспертизы, её целям и процедурам.

Ив Шварц, профессор философии (Париж), предложил рассматривать экспертизу как социогуманитарную, если эксперты и человек или социальная группа как респонденты, о которых нужно получить информацию, находятся в гуманных отношениях. Другими словами, если эксперты ищут гуманный смысл в той деятельности, которая проектируется для этих респондентов (29, с. 73).²⁷

В.М. Розин, продолжая эту мысль, указывает, что «социогуманитарную экспертизу нужно рассматривать, с одной

²⁶ Как было в случае с Государственной экспертизой Чернобыльских программ (1990) – см. далее по тексту.

²⁷ Ср. с А.У.Харашем: «Сверхзадача гуманитарной экспертизы – гуманизация конфликтной ситуации» (31, с. 121).

стороны, как описание ситуации, с другой же – как начало инновационного процесса» (29, с. 75). Как мы видим, данное суждение очень перекликается со взглядами Г. Скирбека и А.У.Хараша.

А.А. Тюков добавляет, что экспертиза тогда становится социогуманитарной, когда респонденты рассматриваются не «объектно», а «как общественные деятели, имеющие свою точку зрения, своё отношение к проектам», и когда эти точки зрения и отношения экспертами собираются и учитываются (29, с. 76). Другое дело, добавляет Анатолий Тюков, что сбор этих мнений (а затем и их расшифровка, уточняет Т. Дридзе, с. 80) – весьма нелегкий труд по «переводу» человека с обывательской точки зрения в положение общественного деятеля²⁸, имеющего гражданское мнение (29, с.77).

В.С.Степин подчеркивает историчность вопроса о социогуманитарной экспертизе: только после формирования системы социально-ориентированной либеральной экономики в передовых странах могла встать проблема социогуманитарной экспертизы, поскольку она «обеспечивает гармонизацию человеческих отношений, устранение социальных конфликтов» (29, с. 76).

Интересно высказанное Тамарой Дридзе суждение о том, что во Франции и России – совершенно разный подход к экспертизе: во Франции она носит арбитражный характер (т.е. проводится в конфликтных ситуациях), тогда как в России – характер подкрепления собственных решений и статуса отраслевыми ведомствами и, соответственно, проводится иногда даже в процессе реализации того или иного проекта (строительства, например) – 29, с. 77. Как указывает В.А.Луков (25), позже Т.М. Дридзе (см. 26, с. 205) высказалась за разработку принципов и методологии проведения комплексной экосоциогуманитарной экспертизы. Этому, безусловно, способствовало теоретическое осмысление ею своего участия в практических экспертизах (например, в Запорожской, 1989 – см. далее по тексту).

До сих пор верна и потому заслуживает особого внимания высказанная Тамарой Моисеевной Дридзе мысль, что «предполагаемые к экспертизе управленческие решения носят обычно ведомственно-отраслевой характер. Последствия же от таких «решений обретают характер социально-региональный (территориальный). ...Плоды ... пожинают горожане и селяне, чьи жизненные интересы с ведомственными не совпадают, при том, что и качеству их жизни нередко грозит непоправимый урон» (29, с. 78).

К сожалению, диалог о социогуманитарной экспертизе шел как о некоем абстрактном предмете, не приводилось никаких примеров

²⁸ Можно было бы сказать – на активную гражданскую позицию. О.Д

конкретных экспертиз, что безусловно затрудняет понимание и обсуждаемого предмета и того, насколько те или иные участники компетентны в данном вопросе не только теоретически, но и как практики.

Несколько другой подход демонстрирует Валерий Андреевич Луков – он разрабатывает понятие социальной экспертизы, ставшей предметом учебного пособия, изданного Институтом молодежи в 1996 году.

«Социальная экспертиза является проводимым специалистами (экспертами) исследованием, включающим диагностику состояния социального объекта, установление достоверности информации о нем и окружающей его среде, прогнозирование его последующих изменений и влияния на другие социальные объекты, а также выработку рекомендаций для принятия управленческих решений и социального проектирования в условиях, когда исследовательская задача трудно формализуема» (25, с. 19). Под социальными объектами В.А. Луков понимает людей, социальные общности, социальные институты и процессы, организации, социальные ценности, идеи, концепции, нормативные акты, прямо или косвенно предусматривающие нормативные изменения, и т.п. «Перечень социальных объектов не должен быть закрыт, поскольку социальная реальность многообразна и несводима к небольшому числу характеристик. В то же время практические задачи социальной экспертизы заставляют если не исключать какие-то из множества социальных объектов из сферы проведения экспертного исследования, то по крайней мере придавать разным объектам разное значение» (25, с. 19).

«Целью социальной экспертизы является установление соответствия деятельности органов государственной власти, других социальных институтов социальным интересам граждан и задачам социальной политики, а также формирование предложений по достижению этого соответствия» (25, с. 22).

В качестве объектов социальной экспертизы Луков указывает федеральные и региональные акты законодательства, ведомственные нормативные акты, нормативные правовые акты органов местного самоуправления, федеральные, региональные, местные социальные программы и проекты, государственные концепции в области социальной политики, концепции социальных исследований и др. (см. с. 23)

Как указывает В.А.Луков, осмысление им понятия социальная экспертиза началось с работы над Законом о семье – «в ходе разработки концепции и механизмов осуществления фамилистической экспертизы по заказу Минсоцзащиты России в

1993-1995 гг.» (с. 4). Именно поэтому понятие социальной экспертизы несколько уже, чем понятие гуманитарной экспертизы: первая включает в себя экспертирование только проектируемых документов нормативно-законодательного характера, тогда как вторая добавляет к этому еще и анализ ситуаций проектирования вещественных объектов: строительства, перестройки, перепланировки, демонтажа вполне материальных заводов, мостов, атомных станций, при этом нередко в ситуациях реального или потенциального риска.

Так или иначе, пожалуй, все исследователи сходятся в том, что гуманитарная экспертиза – это некая оценочная (теоретическая и практическая) деятельность ВО БЛАГО ЧЕЛОВЕКА, с точки зрения интересов человека (конкретного индивидуума или отдельных социальных групп), где во главу угла оценки ставится ЧЕЛОВЕК, понимаемый с позиций Альберта Швейцера («благоговение перед жизнью») и других великих гуманистов.

2. Государственная и общественная экспертиза

Следует указать, что до середины девяностых годов разделять экспертизу на государственную и общественную смысла не было, поскольку не был определен статус общественных экспертиз.

После принятия Закона Российской Федерации «Об охране окружающей природной среды» (1994 г.), фактически появились правовые рамки и для государственной экологической экспертизы (раздел V, ст. 35-38), и для общественной экологической экспертизы (ст. 39), хотя в реальной жизни общественная именно экологическая экспертиза в нашей стране появилась гораздо раньше (см., например, отчеты об экологических экспертизах СоЭСа – тогда российской общественной организации Социально-экологический союз, в экспертизах которого неоднократно работал и автор статьи, или международной организации Гринпис²⁹).

Необходимость разделять государственную и общественную экспертизы возникла с принятием закона «Об экологической экспертизе» (1995), где была отмечена принципиальная желательность не только государственной, но и общественной экспертизы.

Примеры (и перечень) экспертиз можно посмотреть также в статье А.У. Хараша (31, сс. 90-99): он перечисляет шестнадцать своих научно-практических работ, некоторые из которых упоминаются и здесь. Безусловно, эти два списка отнюдь не исчерпывают всех экспертиз, проведенных за прошедшие полтора десятилетия. К сожалению, затруднен доступ даже к названиям экспертиз и сферам, где они производятся, не только к их текстам.

²⁹ В конце 1993 г. Гринпис опубликовал, в частности, доклад группы своих экспертов об имевших место в 1987-1993 гг. девятиста шести попытках ввоза на территорию России опасных отходов (Новое время, № 38, 1994, с. 33)

Для большей стройности изложения автор постарается придерживаться весьма упрощенного формата описания экспертизы, который во многом повторяет и формат (форму, схему) самого экспертного заключения³⁰:

Название экспертизы и её проблема; Заказчик; Экспертная группа; Время проведения экспертизы (сроки); Используемые методы; Ход экспертизы; Результаты; Выводы и рекомендации.

И, по возможности, Последствия экспертизы – в которых, прежде всего, и отражается (проявляется) место психолога. Такие разделы как Используемая литература и Приложения, зачастую являющиеся составной частью экспертного заключения, здесь упоминаться не будут.

Более сложные и отражающие реальность более глубоко и полно форматы экспертных заключений можно увидеть в работе Елены Симахиной (2003), проанализировавшей некоторые из приведенных здесь экспертиз с точки зрения их формата. Работа была выполнена под руководством автора статьи (см. библиографию).

3. Государственные и общественные экспертизы: краткие описания случаев

Следует отметить основную разницу между государственной и общественной экспертизой: разницу в заказчике. Первую заказывает государство (в разных своих ипостасях), вторую – общественность, вплоть до инициативных групп населения. Соответственно, и финансируются они либо из государственного бюджета, либо из общественного – попросту, из привлеченных средств (гранты, пожертвования, спонсорские деньги и пр.).

Подробнее (и более структурировано) о данной экспертизе должен написать сам А.У. Хараш. Краткое упоминание её результатов можно найти у него в (31, сс. 88 и 91), а также в материалах ВИНТИ (3, сс. 104-108).

4. Государственная, общественная, комплексные и др. экспертизы: место психолога

Что же касается роли психолога, то, помимо уже подробно описанной здесь роли исследователя-практика, она может (и, вероятно, должна) быть еще и ролью гражданина.

Необходимо подчеркнуть, что роль эта очень сильно зависит от АКТИВНОСТИ позиции психолога (точнее, психологической группы: редко, когда психолог выступает в столь крупномасштабных экспертизах в единственном числе). И, наверное, лучше всего активность позиции психолога может быть проиллюстрирована на примере экспертизы Чернобыльских программ: А.У. Хараш, который

³⁰ Ср. также с Луковым (25, с. 123-124, глава «Экспертное заключение»): форма рецензии) и Харашем (31, с. 118-119).

являлся заместителем руководителя социально-психологической группы, был настолько убедителен для всего экспертного коллектива, состоявшего из восьмидесяти восьми человек, тридцать шесть из которых являлись академиками и докторами наук, что, во-первых, основной текст экспертного заключения, состоящий из восьмидесяти страниц (см. 3, сс. 14-95) включает в себя раздел «Замечания и предложения по социально-экологической безопасности» в сорок четыре страницы (там же, сс. 23-67), полностью базирующийся на заключении социально-психологической группы. Влияние социально-психологической группы ощущается и в остальной части (тоже около сорока страниц) текста. Во-вторых, в том же издании дополнительно помещено полное заключение этой самой социально-психологической группы – еще тридцать страниц текста (там же, сс. 96-126). В-третьих, заключение экспертной комиссии помогло действительно скорректировать программы реабилитации людей и территорий, оказавшихся пораженными Чернобыльской катастрофой: в девяностые годы выполнялось огромное количество реабилитирующих программ как для взрослого населения, так и для детского, как медицинского, так и социального характера. Одной из таких программ была упоминавшаяся выше деятельность ВТК М.И. Бобневой «Вотум-Пси» – в частности, и по изданию результатов научно-практических исследований. И не вина той экспертной комиссии, что в двухтысячные годы практически все льготы у чернобыльцев отняты, а компенсации отменены...

Суммируя сказанное, следует отметить, во-первых, появление в последние пятнадцать лет в нашей стране принципиально новой деятельности – деятельности экспертирования различного рода проектов (в т.ч. нормотворческих, а также проектов строительства или демонтажа – военных, ядерных или химических производств) на стадии проектирования. Во-вторых, заказчиками экспертирования могут быть как государственные (в т.ч. ведомственные) структуры, так и общественные (в т.ч. инициативные группы граждан, кого напрямую касаются планируемые перемены). В-третьих, независимо от заказчика (государство или общественность) в эксперты всегда приглашаются компетентные специалисты, имеющие не только опыт и знания в данной области, но и определенный общественный вес.

Поэтому место психолога в обоюродных экспертизах может быть определено сходным образом: оно заключается не только в роли теоретика и исследователя-практика, но и ролью, которая определяется прежде всего умением найти и выделить группы интересов всех задействованных в ситуации лиц и продемонстрировать, что нужно сделать для того, чтобы защитить витальные интересы всех обнаруженных групп. Это можно

обозначить также как роль идеолога, поворачивающего процесс экспертизы лицом к человеку – что соответствует роли гражданина.

Литература

1. Авдеева. Н.Н., Ашмарин И.И., Степанова Г.Б. Человеческий потенциал России: факторы риска. – Человек. № 1, 1997.
2. Ашмарин И.И., Юдин Б.Г. Основы гуманитарной экспертизы. // Человек. № 3, 1997.
3. Всемирный день окружающей среды: Информационные материалы. 1990. Экспертные оценки программ и решений по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. М., 1991 – 128 с.
4. Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г. Концепция человеческого потенциала: исходные соображения // Человек. № 4, 1996.
5. Дармодехин С.В., Муратов Ю.И. Социальная и фамилистическая экспертиза государственных решений: К научному обоснованию проблемы. // Семья в России. – № 2, 1994.
6. Дерябина О. М. Задачи социально-психологического экспертного исследования проблем детей, затронутых аварией на ЧАЭС и лишенных родительской опеки (обследование в Тульской области). - В сб. Чернобыльский след. Психологические последствия Чернобыльской катастрофы. М.: МГП "Вотум-Пси", 1992, с. 201-207.
7. Дерябина О.М. Концепция радиационной, медицинской и социальной защиты населения РФ с точки зрения психолога. // Тезисы докладов 2-й Международной радиозоологической конференции. – Красноярск-Томск, 1994. – с. 49-51.
8. Дерябина О. М. Основные подходы и понятия концепции правовой защиты детей, пострадавших в результате катастрофы на чернобыльской АЭС. - В сб. Социальная и правовая защита детей и подростков, пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы (психолого-правовое исследование).М.: МГП "Вотум-Пси", 1992, с. 139-147.
9. Дерябина О.М. Практическая экологическая психология: экспертиза, диагностика, коррекция, реабилитация, тренинг. //Конференция по экологической психологии. М., 1996. – с. 47-48.
10. Дерябина О.М. Причины посттравматического стресса у жителей регионов, прилегающих к промышленным и военным радиоактивным объектам. Материалы конференции РПО «Психология сегодня». М., 1996. – с. 212-213.
11. Дерябина О.М. Проблемы военно-промышленного ядерного комплекса и конверсии глазами психолога//После холодной войны: разоружение, конверсия и безопасность (Красноярск, 12-16 сентября 1994г.). Сборник докладов. – Красноярск: Экологический вестник, 1995. – с. 103-109.
12. Дерябина О. М. Проблемы особой защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В сб. Чернобыльский след. Социальная и правовая защита детей и подростков, пострадавших в

результате Чернобыльской катастрофы (психолого-правовое исследование). – М.: МГП "Вотум-Пси", 1992. – с. 180-202.

13. Дерябина О.М. Психологические аспекты строительства АСТ-500. материалы общественных слушаний в г. Томске, 15 сентября 2000 г., Томск, 2000. – с. 202-210.

14. Дерябина О.М. Психологические аспекты строительства и эксплуатации ядерных объектов (оценка рисков)//Тезисы докладов на международной конференции «радиоактивность при ядерных взрывах и авариях» (Москва 24-26 апреля 2000 г). – СПб.: Гидрометеиздат, 2000. – с. 391.

15. Дерябина О.М. Психологические аспекты строительства и эксплуатации ядерных объектов//2-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы (Москва, 12-14 апреля 2000 г.). – М.:ИПЦ «Глобус», 2000. – с. 63-64.

16. Дерябина О.М. Психологические аспекты экологического информирования, образования и воспитания//Конференция по экологической психологии. М., 1996. – с. 48-50.

17. Дерябина О.М. Психологические проблемы закрытых городов, связанные с производством военного плутония//IV Международная конференция. Утилизация плутония: проблемы и решения. Тезисы докладов. (Красноярск 5-10 июня 2000г.). – с. 79-83.

18. Дерябина О.М. Психологическое состояние детей-сирот Чернобыля: методологические и методические принципы экспертных оценок// Актуальные проблемы современного детства: Сборник научных трудов. М., 1992. – с. 64-67.

19. Дерябина О. М. Социально-психологическое экспертное исследование восприятия ситуации экологического риска воспитанниками интернатных учреждений, их педагогами и администрацией (на примере Тульского региона) - В сб. Чернобыльский след. Пострадавшие дети. Часть 1. М.: МГП "Вотум-Пси", 1992, с. 23-110.

20. Дерябина О.М. Участие общественности в процессах принятия жизненно-важных для региона решений как психологическая проблема. //Конференция по экологической психологии. М., 2003. – с. 253-256.

21. Дерябина О.М. Тренинг проектирования и развития организации. Спецкурс для студентов 3-5 курсов кафедры социальной и педагогической психологии факультета психологии МГОПУ, прочитанный в 2000-2003 гг.

22. Дерябина О.М. Организационная психология. Спецкурс для студентов 5 курса кафедры психологии управления факультета психологии МГОПУ, читаемый с 2003 г.

23. Дерябина О.М. Организационная психология. Программа курса для студентов кафедры психологии управления факультета психологии МГОПУ им. М.А. Шолохова. – М.: Альфа, 2004.

24. Жуков Ю.М. Позиции психолога-практика // Введение в практическую социальную психологию/ Под ред. Ю.М.Жукова, Л.А.

Петровской, О.В. Соловьевой. – 3-е исправленное издание. – М.: Смысл, 1998, – с. 21-34.

25. Луков В.А. Социальная экспертиза. – М.: Ин-т молодежи, 1996. – 144 с.

26. Прогнозное социальное проектирование: Теоретико-методологические и методические проблемы / Ин-т социологии РАН; Отв. редактор Т.М. Дридзе. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1994.

27. Реймерс Н.Ф. Методология научной (эколого-социально-экономической) экспертизы проектов и хозяйственных начинаний (общие принципы). М.: Экологический Союз СССР, 1990. – 24 с.

28. Симахина Е. В. Возможные форматы экспертного заключения психолога о развитии организации (на материале экспертиз на макроуровне). Дипломная работа. – М, Факультет психологии МГОПУ, 2003. –74 с.

29. Социогуманитарная экспертиза: принципы и методология. Результаты «Круглого стола» //Социологические исследования. № 11, 1992. с. 73-81.

30. Скирбек Г. Есть ли у экспертизы этические основы? // Человек. № 1, 1991.- сс. 87-93

31. Хараш А.У. Гуманитарная экспертиза в экстремальных ситуациях: идеология, методология, процедура // Введение в практическую социальную психологию/ Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. – 2-е исправленное издание. – М.: Смысл, 1996,– с. 87-129.

32. Хараш А.У. Экспертное исследование: ситуация и прогресс (методика, техника, процедура, результат) // Введение в практическую социальную психологию/ Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. – 3-е исправленное издание. – М.: Смысл, 1998,– с. 114-129.

33. Covello V. T. (Ed.) The Analysis of Actual versus Perceived Risk. Plenum – N.Y. – London, 1983.

34. Covello V. T. Social and behavioral research on risk: uses in risk management decision-making. Pp 1-14 in: Environmental Impact Assessment, Technology Assessment and Risk Analysis. NATO ASL Series G. Volume 4, Springer Verlag, Berlin, 1985.

35. Douglas M. Risk acceptability according to the social sciences. Russel Sage NY.,1985.

36. Douglas M., Wildavsky A. Risk and culture: an essay on the selection of technological and environmental dangers. Berkley University of California Press, 1988.

37. Improving Dialogue with Communities, a Risk Communication, Manual for Government. New Jersey, Department of Environmental Protection, 1988.

38. Skirbek G. Rationality and Modernity. Oslo, Scandinavian University Press, 1993.

Organization of psychological work

Deryabina O.M

A Psychologist's Place in the State and Social Expertise

The present article meets the requirements of the society, namely the necessity to give students and psychologists – colleagues the information and knowledge about one of the most “less advertised “ (i.e. not published) unit of psychology which is organizational psychology on the macro level (Ashmarin and Judin, 1997 call it “fundamental level”).

The author feels the responsibility for writing such an article not only because she has been delivering special courses on this theme to the students of the psychology department of MGOPU for five years, but primarily she was involved in the very first experimental works of the kind since late 80s when neither the author nor her colleagues knew that they are engaged in organizational psychology associating themselves as social psychologist (a well-known Molier's character didn't know that he speaks prose).

The article enables psychologists (especially mature psychologists and consulting psychologists) to see the significance of the previous experience and establish their own niche in the field of “fundamental humanitarian expertise” (Ashmarin, Judin, 1997).

Keywords: *socio-humanitarian, humanitarian, scientific, social-psychological expertise; social and state expertise, complex expertise.*

The notion of “humanitarian expertise” penetrated the psychologists' life in the late 1980s.

I. Expertise: socio-humanitarian, humanitarian, scientific, social.

The analysis of literature shows that about at the same time investigations in the field of the expertise began in different spheres of science connected with psychology (cf. the literature: Reimers, 1990; Dridze, Tukov et al./Sociohumanitarian expertise, Round Table, 1992/; Genisaretsky, Judin, et al., 1996-1997; Lukov, 1996).

It was Nikolay Fyodorovich Reimers who first began analysing the definition, aims and principles of the expertise and called it scientific. One of the first basic requirements is the following: “ the object must be subjected to the goals of development of the local economy and population (including

keeping people healthy and making the life span longer) , and only then – to the state interests”²³ (27,p.1). Such principle (together with other principles written in the same work - for example, the principle of “social value”, p.11, or the principles “ the person’s risk of being sick,.13; “ social risk”, p.14, etc) allows to reckon that Reimers mentions about the same humanitarian (or sociohumanitarian) expertize calling it “scientific” like all other authors do. By “scientific” this researcher implies independent from interested structures and institutions.

Let’s consider different authors’ opinions. According to A.U.Kharashu humanitarian expertize is the activity of the total evaluation of “consequences for a person (the population of the region or a social group) which happened in the past (early or recent), present or the nearest future (31, p.101).

According to Ashmarin and Judin (1997), humanitarian expertize is “ the systematically organized activity directed to the prediction of new dangers for human potential” (see 2). It is conducted for the complex analysis of bills, draft projects and decisions of the executive branch, for estimation of technical gadgets, for the evaluation of condition (the dynamics of human potential changes), of existing and project technologies, including social ones (for instance, the contents of the humanitarian education at school). The authors underline that it would be unreasonable to treat the expertize of any new technology (in a broader sense) as one action; it is necessary to trace new phenomena and effects made by it, and to assess revealing opportunities, as well as risk factors caused by the expertise. The result of the humanitarian expertise mustn’t be limited by the final conclusion; one more result is also important – it is the establishing channels through which the interaction can be carried out with the formation of communicators²⁴ realising and using its constructive opportunities. In the author’s opinion, humanitarian expertize, on the whole, might have been the effective tool of the strategic and tactical correction of social (and cultural) state policy by assessing state solutions, federal and regional programmes²⁵, projects, initiatives.

Norwegian philosopher Skirbek, in our authors’ opinion, is the father of the term “ humanitarian expertise” and the main founder of this notion. He considers it as “the transition from technological expertise to multi- and interdisciplinary expertise and further – to a wide public discussion (2,30,38). In other words, “ humanitarian expertise according to Skirbek is not only the

²³ Underlined by us.- O.D.

²⁴ I.e. the formation of civil positions of people involved in the process

²⁵ It was in the case with the State expertizing of Chernobyl programe (1990).

process of making up specific decisions but continuous and full-scale dialogue during which the process of disclosing, discussing and agreeing hints and values (often hidden, unconscious) of different social groups take place alongside with the reasoning and critical notes of supposed solutions". It should be emphasized that A.U.Kharash also treats the humanitarian expertise as a dialogue beginning with the expert investigation and finishing with not the expert conclusion (see 31, p.121-122). He introduces the term of regional preparation for the humanitarian expertise (31, p.120), which implies the feedback of population, institutions, administration and mass media.

Nearly at that time the dialogue of Russian and French scientists happened on the problem of sociohumanitarian expertise. It was a round-table discussion within the frameworks of Russian-French conference "Psychoanalysis and Sciences About Human Beings" held on March,30 – April,3 1992. (29, p.73-81). The participants of this round-table discussion expressed different opinions on both the history of sociohumanitarian expertise and definitions of the expertise, its goals and procedures.

Eve Schwarts, Ph.D. (Paris) proposed to treat the expertise sociohumanitarian if experts, a person or the social group as respondents are in human relationships. In other words experts are searching for the human meaning in the activity to be projected onto these respondents (29,p.73).

Developing this idea V.M.Rosin underlines that "on the one hand sociohumanitarian expertise should be considered as the description of the situation, on the other hand – as the beginning of the innovation process" (29, p.75). As we can judge, this very opinion is intertwined with G.Skirbek's and A.U.Kharash's points of view.

A.A.Tukov adds that the expertise becomes sociohumanitarian when respondents are seen not "objectively", but "public personalities having their own opinion, attitudes to these projects" and when these opinions are compiled and taken into consideration (29, p.76).

Anatoly Tukov stresses that the compilation of these opinions (and their further decoding, as T.Dridze particularizes, p.80) is rather hard work on "transferring" a person from common point of view to the position of a public personality²⁶ having civil opinion (29, p.77).

V.S.Styopin underlines the historic character of sociohumanitarian expertise: only after the formation of social – oriented system of liberal economics in developed countries the problem of the sociohumanitarian

²⁶ We may say – to the active civil position.

expertise might arise because it “ensures the harmonization of human relations, elimination of social conflicts” (29, p.76).

Tamara Dridze expressed an interesting opinion that there is a completely different approach to the expertise in France and Russia: in France it has the arbitration character (i.e. it is held in conflict situations), whereas in Russia it holds the character of supporting decisions and the status by branch departments and, correspondingly, it is held sometimes in the process of realization of this or that project (for instance, building)- 29,.77. V.A.Lukov pointed out(25), later T.M.Dridze(26,p.205) was for the development of principles and methodology of conducting the complex ecosociohumanitarian expertise. It was facilitated by theoretical thinking of her participating in practical expertise (for example, in Zaporozhskaya, 1989).

T.M.Dridze’s idea is still true, and therefore the following idea deserves special attention that “governmental solutions of the expertise have a department- branch character. The consequences of such “solutions have a social-regional character...City-dwellers and villagers reap the fruits, their life principles don’t coincide with official ones, regarding the fact that their life quality is subjected by irretrievable damage” (29,p.78).

Unfortunately, the dialogue about sociohumanitarian expertise was about an abstract thing, there were no examples of particular expertise; all these facts result in misunderstanding of the discussed subject and if the participants are competent in the question not only in theory, but in practice as well.

Valery Andreevich Lukov demonstrates another approach. He develops the notion of **social expertise**, which became the subject-matter of the textbook published by the Youth Institute in 1996.

“Social expertise is the research being conducted by specialists (experts) and comprises the diagnostics of social object condition, maintaining the true information about it and surrounding environment, prediction of its further changes and impact on other social objects, and also recommendations for taking management solutions and social project in terms when the research task is hard to formulate” (25,p.19). Under social objects V.A.Lukov means people, social communities, social institutions and processes, organizations, social values, ideas, concepts, standard acts, directly or indirectly implying normative changes, etc. “The list of social objects must be incomplete because the social reality is manifold and it doesn’t lead to a great number of characteristics. At the same time practical tasks of the social expertise don’t

make us exclude some of many social objects from the sphere of expert investigation, but pay attention to various objects” (25,p.19).

“The purpose of the social expertise is to bring the correspondence of government bodies acts and other social institutions with civil social interests, social politics tasks, and suggestions of attaining this conformity” (25,p.22).

As objects of the social expertise Lukov emphasizes federal and regional bills, department standard acts, normative judicial self-governing bodies acts, federal, regional, local social programmes and projects, state concepts in social politics field, social investigation concepts, etc. (p.23).

V.A.Lukov stresses that he came to realize the notion of “social expertise” working on the Family Law – “in the course of developing the concepts and mechanisms of family expertise to order of Social Protection Ministry of Russia in 1993-199” (p.4). That’s why the notion of “social expertise” is narrower to some extent than the notion of “ humanitarian expertise”: the former includes the experimentation only project documents of the standard- legislative character, whereas the latter adds the analysis of situations of object projects: building, rebuilding, replanning, dismantling of pecuniary plants, bridges, nuclear power stations; it often happens in the situations of real or potential risk.

In any case, all researchers agree that humanitarian expertise is an estimating (theoretical and practical) activity IN THE NAME OF MEN, from the point of view of a man’s interests (the particular individual or separate social groups), where the man is the cornerstone, interpreted from Albert Schweitzer’s position (“veneration for life”) and some other humanists.

II. State and social expertise. It should be mentioned that till mid -90s it was no sense to split the expertise into state and social, for the status of social expertise wasn’t defined yet.

After the Law of Russian Federation “About Environment Protection” had come into practice (1994), new judicial frames appeared for the state ecological expertise (unit V, pp.35-38) and for social ecological expertise (p.39), though in our real life social ecological expertise appeared much earlier (see accounts about ecological expertise in Social Economic Union SEU, where the author worked, and international organization Greenpeace²⁷).

The necessity to differentiate the state and social expertise arose with the adoption of the law “About Ecological Expertise” (1995), where the principal significance of not only state, but also social expertise was marked.

²⁷ In the late 1993 Greenpeace published the report of its expert group 96 attempts of importing wastes in Russia in 1987-1993 (New Time, №38, 1994, p.33).

Examples (and the list) of expertise can be seen also in the article by A.U.Kharash (31, pp.90-99): he enumerates 16 scientific- practical works, some of them are mentioned here. It goes without saying, these two lists don't exhaust all expertise held for the last 15 years. Unfortunately, the access is limited to the titles of expertise and spheres of their implementation, not only to their texts.

To make a sophisticated summary the author tries to stick to rather simple scheme of describing the expertise, which duplicates the form of the very expert conclusion²⁸:

The title of the expertise and its problem; The client; Expert group; The deadline of conducting the expertise; Used methods; The Process of the expertise; Results; Conclusions and recommendations. And if it is possible, the consequences of the expertise where a psychologist's place is reflected. Such units as Used Literature and Appendix, being the main components of the expert conclusion, will not be mentioned here.

More complicated schemes of expert conclusions reflecting the reality deeper can be seen in the work of Elena Simakhina (2003), who analyzed some of the given expertise from the point of view of their form. The investigation was done under the supervision of the author of the article (see the literature).

III. State and social expertise: brief descriptions of cases.

It should be noted the main difference between state and social expertise: the difference is in the client. The first one is ordered by the state (in different forms), the second expertise is ordered by the society up to initiative groups of people. Correspondingly, they are subsidized by either the state or social budget (grants, donation, sponsor money, etc).

A.U.Kharash wrote the detailed information about this expertise, which can be found in his works (31, pp.88, 91) and in materials of VINITI (3, pp.104-108).

IV. State, social, complex and other expertise: a psychologist's place.

As for a psychologist's role, it combines both the role of the practical researcher and a citizen's role.

It is necessary to underline that this role depends a lot on the active position of the psychologist (to be more correct, on a psychological group: a psychologist rarely performs in such large –scale expertise alone). Probably, the activity of a psychologist's position may be well illustrated on the sample of Chernobyl programs expertise: A.U.Kharash, being the deputy director of

²⁸ Cf.Lukov (25,p.123-124, the chapter "Expert conclusion": the form of the review; Kharash (31,p.118-119).

the social- psychological group, was convinced for all expert group, comprising 88 people, 36 of them were academicians and Doctors of Sciences, that, primarily, the general text of the expert conclusion consisting of 80 pages (3, pp.14 – 95) includes the chapter “Notes and Suggestions on the Social – ecological Security” of 44 pages (3, pp.23 – 67), based on the conclusion of the social- psychological group. The impact of the social- psychological group is perceived in the rest part of the text (about 40 pages). Secondly, the same publication includes additional conclusion of this very social- psychological group – more 30 pages (3, pp.96 – 126). Thirdly, the conclusion of the expert group helped to correct people and territory rehabilitation programs who suffered in Chernobyl disaster: in the 1990s a great number of rehabilitation programs were carried out having medical and social character and intended both for adults and children. One of these programs was above- mentioned activity of VTK by Bobnyova M.I. “Votum- Psy” who published the results of practical investigations. And it is not the expert commission fault that in 2000s all Chernobyl privileges were taken away, and compensations were abolished.

To sum up, it should be noted that, first of all, new activity has emerged in our country for the last 15 years – expertising different projects (creative, building and dismantling projects of military, nuclear power and chemical plants) on the **project stage**. Secondly, clients of the experiment might be both state and social structures (including initiative groups of citizens engaged in the planned changes). Thirdly, despite the client (the state or society), competent specialists are invited to be experts possessing not only knowledge and experience but also certain social weight.

Thus, a psychologist’s place in both expertise may be the following: it is not only theoretical and practical role but also the skill to find and pick out groups of people involved, in order to demonstrate what is necessary to do to defend the vital interests of all revealed groups. It can be defined as the role of ideologist turning the expertise to a man – and it corresponds to the citizen’s role.

Bibliography

1. Avdeeva N.N., Ashmarin I.I., Stepanova G.B. Human Potential of Russia. - A Man. №1, 1997.
2. Ashmarin I.I., Judin B.G. The Basics of Human Expertise. // A Man., №3, 1997//.
3. International Environment Day: Reference Materials. 1990. Expert evaluation of programs and suggestions on disaster consequences liquidation in Chernobyl Nuclear Power Station. M., 1991 – 128p.

4. Genisaretsky O.I., Nosov N.A., Judin B.G. The Concept of Human Potential: general considerations. // A Man. №4, 1996 //.
5. Darmodehin S.V., Muratov U.I. Social and Family Expertise of state solutions: Scientifically grounded problems. // Family in Russia. - №2,1994 //.
6. Deryabina O.M. The Tasks of social- psychological expert investigation of problems of children injured by disaster on ChNPS and deprived of parents' care (examination in Tula region). - Chernobyl Trace. Psychological Consequences of Chernobyl Disaster. M.:MGP "Votum-Psy", 1992, p.201 – 207.
7. Deryabina O.M. The concept of radiation, medical and social protection of people of Russian Federation from a psychologist's point of view. //Reports Theses of the 2nd International Radioecological Conference. – Krasnoyarsk- Tomsk, 1994. – P.49 – 51.
8. Deryabina O.M. General approaches and notions of the concept of children legal protection suffered in the result of Chelnobyl NPS disaster. – Social and legal protection of children and adolescents suffered in the result of Chernobyl disaster (psychological – legal research). M.: MGP "Votum-Psy", 1992, p. 139- 147.
9. Deryabina O.M. Practical Ecological Psychology: expertise, diagnostics, correction, rehabilitation, and training. // The conference on Ecological Psychology. M., 1996. – p. 47-48 //.
10. Deryabina O.M The reasons of post- traumatic stress in residents of regions located near industrial and military radioactive objects. The conference materials RPO "Psychology Today". M., 1996. – P.212 – 213.
11. Deryabina O.M. The problems of military-nuclear power complex and conversion with a psychologist's eyes. // After the cold war: disarmament, conversion and security (Krasnoyarsk, September 12-16, 1994). – Krasnoyarsk: Ekologicheskyy Vestnik, 1995. – P.103-109.
12. Deryabina O.M. Problems of special care of children-orphans and children without parents' guardianship. // Chernobyl trace.Social and legal protection of children and adolescents suffered in the result of Chernobyl disaster (psychological – legal research). M.: MGP "Votum-Psy", 1992, p. 180 –202.
13. Deryabina O.M. Psychological aspects of building AST –500. Materials of reports in Tomsk, September 15, 2000. - Tomsk,2000. – P.202 –210.
14. Deryabina O.M. Psychological aspects of building and exploitation of nuclear objects (risks estimation) // Reports reviews at the international conference "Radioactivity in nuclear explosions and accidents" (Moscow, April 24 – 26, 2000). – St.Petersburgh : Gidrometeoizdat, 2000. – p.391.
15. Deryabina O.M. Psychological aspects of building and exploitation of nuclear objects. // 2nd Russian conference on ecological psychology. Issues (Moscow, April 12 – 14, 2000). – M.: IPC "Globes", 2000. – p.63 – 64.

16. Deryabina O.M. Psychological aspects of ecological information, education and upbringing. // The conference on ecological psychology. M., 1996. – P.48 – 50.
17. Deryabina O.M. Psychological problems of closed cities, connected with the military production of Plutonic. // The 4th international conference. The utilization of Plutonic: problems and solutions. Issues. (Krasnoyarsk, June 5 – 10,2000). – p.79 – 83.
18. Deryabina O.M. Psychological condition of Chernobyl children – orphans methodological and method principles of expert evaluation. // Up – to date problems of modern childhood: M., 1992. – p. 64 –67.
19. Deryabina O.M. Social – psychological expert investigation of perception the situation of ecological risk by pupils of boarding house, their teachers and administration (on the example of Tula region). Ed. Chernobyl Trace. Injured Children. Part I. M.: MGP “Votum – Psy”, 1992,p. 23 –110.
20. Deryabina O.M. Society participation in the processes of taking vital regional decisions as a psychological problem. // The conference on ecological psychology. M., 2003. – P. 253 – 256.
21. Deryabina O.M. The training of project and development of organization. Special course for students of 3 – 5 years of social and pedagogical psychology department of the psychology faculty MGOPU, delivered in 2000 – 2003.
22. Deryabina O.M. Organizational psychology. Special course for students of 5th year of management psychology department of the psychology faculty of MGOPU, has been delivering since 2003.
23. Deryabina O.M. Organizational psychology. The course program for management psychology students of the psychology faculty of MGOPU after M.A.Sholokhov. - M.: Alpha, 2004.
24. Zhukov U.M. Practical psychologist positions. // Introduction to practical social psychology // Ed. by Zhukov U.M, L.A.Petrovskaya, O.V. Solovyova. – 3d corrected edition. – M.: Smysl, 1998, - p.21 – 34.
25. Lukov V.A. Social Expertise. – M.: Institute of Youth, 1996 – 144p.
26. Predictable social project: Theoretical – methodological problems //Institute of Sociology of RAS: the editor is T.M Dridze. – 2nd ed., corrected and additional. - M: Nauka, 1994.
27. Reimers N.F. The Methods of scientific (ecological – social – economic) expertise of projects and economic beginnings (general principles). M.: Ecological Union of USSR, 1990. –24p.
28. Simakhina E.V. Possible forms of expert psychologist’s conclusion about organizing development (based on the materials of expertise on the macrolevel). Diploma paper. – M., Psychology faculty of MGOPU, 2003. – 74p

29. Sociohumanitarian expertise: principles and methods. The results of "Round Table". // Sociological researches. №11, 1992, p.73 – 81.
30. Skirbek G. Does Expertise Have Ethical Norms? // A Man. №16 1991. – pp.87 –93//.
31. Kharash A.U. Humanitarian expertise in extreme situations: ideology, methods, and procedure. // Introduction to practical social psychology //. Ed. By U.M.Zhukov, L.A.Petrovsky O.V.Solovyova. – 2nd corrected ed. – M.: Smysl, 1996, - p. 87 –129.
32. Kharash A.U. An expert research: situation and progress (methods, techniques, procedure, result) // Introduction to practical social psychology//. Ed. By U.M.Zhukov, L.A.Petrovsky O.V.Solovyova. – 3d corrected ed. - M.: Smysl, 1998, -p.114 – 129.
33. Covello V. T. (Ed.) The Analysis of Actual versus Perceived Risk. Plenum – N.Y. – London, 1983.
34. Covello V. T. Social and behavioral research on risk: uses in risk management decision-making. Pp 1-14 in: Environmental Impact Assessment, Technology Assessment and Risk Analysis. NATO ASL Series G. Volume 4, Springer Verlag, Berlin, 1985.
35. Douglas M. Risk acceptability according to the social sciences. Russel Sage NY.,1985.
36. Douglas M., Wildavsky A. Risk and culture: an essay on the selection of technological and environmental dangers. Berkley University of California Press, 1988.
37. Government. New Jersey, Department of Environmental Protection, 1988.
38. Skirbek G. Rationalitty and Modernity. Oslo, Scandinavian University Press, 1993.